

Н.К. ГАЛАБУРДА, к.э.н., доцент,
ДВНЗ «КНЭУ имени Вадима Гетьмана»

ИННОВАЦИИ, ПОИСК РЕНТЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.

Проблемы экономического развития находились в фокусе экономических исследований практически от самого возникновения экономической науки. В тех или других теоретических формах экономическое развитие рассматривалось как процесс количественных и качественных изменений в структуре параметров экономической системы. На разных этапах эволюции экономической мысли выделялись те или иные факторы развития (торговля, с/х, мануфактурное или промышленное производство), формировалось представление об основных закономерностях исторически обусловленных экономических взаимосвязей. Современный уровень мировых хозяйственных отношений исключает целесообразность теоретического моделирования без учета инновационных изменений национальных экономических систем как главенствующего фактора их конкурентоспособности.

Анализ публикаций научных статей, правительственных программ и аналитических материалов, предоставляемых государственными учреждениями и ведомствами о тенденциях и перспективах инновационного развития в Украине, позволяет отметить широкое использование прикладных моделей и статистических методов анализа. На данный момент опубликовано значительное количество работ отечественных экономистов, посвященных различным аспектам инновационного развития. В их числе работы таких ученых, как: Говоруха Ж.А., Жукович И. А., Рыжкова Ю. О., Добрава Г. М., Павленко И.А., Резник Н.П. Геец В.М., Бажал Ю. Н., Денисенко Н. П., Рыженко Я. В., Андрушков Б. М., Кирич Н. Б., Погайдак О. Б., Луцыкив И.В., Харив П. С., Собко О. М. и других [1-10]. Более того, на парламентских слушаниях в ВРУ 17 июня 2009 года была представлена программа стратегии инновационного развития на 2010-2020 годы [11], которая отражает политическое видение проблем развития Украины.

При всем многообразии теоретических подходов исследования путей инновационного развития, очень часто упускается из виду такая важная составляющая, как эффективность экономической системы, повышению которой

должны способствовать инновации.¹ В работах Шумпетера, Хайека, Дракера и др. теоретиков экономического развития под инновационным развитием понимаются, прежде всего, процессы коренных изменений тех параметров, которые повышают эффективность действующей системы. Важным условием инновационного развития является конкурентная среда, которая вынуждает динамичного предпринимателя осуществлять поиск прибыли в сфере сравнительных преимуществ технологического, организационного, управленческого, социального и т.п. характера. [12-14] Целью данной работы является выявление факторов и ограничений возможностей инновационного развития в условиях постсоциалистической трансформации.

Идеи классической и неоклассической экономической теории о конкуренции на равновесных рынках, безусловно, имеют важное теоретическое значение как для понимания сущности процессов экономического обмена, так и для формулирования критериев эффективности рыночной экономики. Их восприятие в научном мире не было столь однозначным, как это может показаться на первый взгляд. Во-первых, они шли вразрез с представлениями меркантилистов о неизменности уровня мирового богатства, а соответственно и природе конкуренции как соперничестве за обладание его частью. Во-вторых, уровень абстрагирования предложенных моделей делал невозможным их применение для анализа реальной экономики. И даже в чисто научном плане, модели равновесия конкурентной экономики имели достаточно жесткие ограничения, именуемые «провалами рын-

¹ О важности критерия эффективности при оценке инновационной активности можно судить, опираясь на метафоры, широко используемые М.Олсоном или Т. Эггертссоном. Бандитское сообщество постоянно оттачивает свое мастерство, разрабатывают новые способы преступной деятельности, но являются ли нововведения карманного вора, убийцы или грабителя инновациями? Ответ очевиден, если в результате нововведений не произошло улучшение по Парето, то ни о каких инновациях говорить невозможно. В более сложных случаях, когда ответ не столь однозначен, следует применять критерии Калдора-Хикса или Т. Скитовски.

ка». В-третьих, произошедшие за последние 100 лет изменения в структуре экономического развития были в большей степени связаны с техническим прогрессом, чем с каким-либо другим фактором.

Смещение акцента теоретического внимания на конкуренцию за рынки, а не на рынках, позволило выделить доминирующий инструмент конкурентной борьбы – инновации. Это обусловило необходимость переориентации теоретических конструкций на поиск уровня и направленности нововведений. Методология такого поиска предусматривала смену концептуальных позиций анализа естественного равновесия на методы социального дарвинизма. К сожалению, большинство исходных положений теорий инновационного развития базировались хоть и на приближенных к реальным условиям фактах, но все же достаточно абстрактных предпосылках, которые не имели под собой достаточного эмпирического обоснования. Фундаментальной предпосылкой теоретических концепций и моделей выступала гипотеза эффективности эволюционного отбора. Жесткая конкуренция в условиях *laissez-faire*, при которой выживают наиболее приспособленные, будет приводить к повышению эффективности экономики. Таким образом, в методологическом плане не были поставлены главные вопросы, а именно – всегда ли новаторские идеи будут направлены на повышение экономической эффективности? И не будут ли другие участники рынка препятствовать появлению новых конкурентов?

Отметим, что первоначальная идея Эдварда Блуса, Альфреда Рассела Уоллеса и Чарльза Роберта Дарвина² о выживании видов наиболее приспособленных к изменениям объективных условий существования претерпела значительные изменения. Эволюция биологических видов проходит под влиянием более сложных процессов, чем приспособление к окружающей среде обитания, борьба за существование включает внутривидовую и межвидовую конкуренцию, а также борьбу за успех в размножении. В ходе естественного отбора не всегда выживают те виды, которые имеют наибольшую эффективность приспособления в долгосрочной перспективе.

В этой связи более чем странной выгля-

² Многие из читателей, знакомые с записками Дарвина, могут справедливо возразить об авторстве эволюционных идей, которые были впервые озвучены как экономические идеи борьбы за существование Т. Мальтусом в «Трактате о народонаселении».

дела вера экономистов в обязательный характер эффективности эволюционных процессов объективного отбора рыночных структур. О том факте, что неуправляемые эволюционные процессы экономического отбора не обязательно приведут к формированию эффективных институтов или организаций с долгосрочными временными горизонтами свидетельствует множество работ опубликованных за последние два десятилетия.³ Наибольший интерес представляет та часть из этих работ, которая направлена на выявление причин несостоятельности процессов естественного отбора. Одним из факторов, препятствующих эволюционному отбору эффективных институтов и организаций, является несовершенство рынка идей. При аргументации основное внимание уделяется недальновидности экономических планов агентов на рынке. Чем более развита конкуренция, тем более длительный период внедрения инноваций, тем выше уровень вложений и ниже уровень прибыльности нововведений. Казалось бы, субъекты рынка должны быть более склонны к принятию решений в пользу тех нововведений, которые позволят увеличить чистую дисконтированную прибыль, однако некоторые из институциональных изменений, произошедших за последнее время, повлияли на уровень дисконтирования будущего, сместив временные горизонты на краткосрочную перспективу⁴.

Более того, объекты рынка идей можно рассматривать как информационный продукт, обладающий всеми характерными чертами общественных благ – неделимостью, неконкурентностью в потреблении и проблемой исключить субъектов из круга его потребителей. Иными словами, трудно судить об идее не получив достаточно информации, а ее внедрение связано с проблематичностью спецификации и защиты прав собственности. Опираясь на такие суждения можно вполне логично объяснить необходимость государственного стимулирования

³ Хороший обзор представлен в *Фуруботн Э. Г., Рихтер Р.* Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории — СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005.

⁴ Сюда можно отнести изменения в системе корпоративного управления, соперничество за показатели финансовой деятельности в отчетном периоде и т.п. Тут следует отметить и парадоксальную уверенность о бесконечности действия благоприятных факторов, которая подкрепляется цепочкой коллективных убеждений о минимальных рисках связанных с ценовыми ожиданиями.

и поддержки инноваций.

Экономические теории последних двух десятилетий не только помогли понять экономическую природу провалов рынка, но и создали достаточно мощный методологический аппарат для разработки прикладных моделей регулирования и управления рыночными процессами. Стимулирующая роль государства при наличии развитой системы конкурентных экономических связей, позволяет создать такую систему ограничений предпринимательского выбора, в которой альтернативы инновационным планам попросту станут не выгодны. В особой степени это касается трансформационной экономики, когда государство принимает активное участие и в реструктуризации экономики и в преодолении глубокого системного кризиса. В этой ситуации крайне необходима продуманная инновационная политика государства, которая позволит нации занять достойное положение в структуре мировых хозяйственных связей.

Очевидность этого утверждения, тем не менее, не является безусловным принципом, которым руководствуется государство. Напротив, государство как институт осуществления власти можно и должно рассматривать как фактор доходов, который наряду с информацией имеет характер общественного блага, и, следовательно, может быть включен предпринимателями в сферу альтернативных инвестиционных программ.

Следует учесть, что модель патерналистического идеального государства абстрактна по своей природе. Как и рынкам, государству присущи свои изъяны, которые достаточно полно описаны в позитивной теории общественной экономики. Сама возможность государственного вмешательства, осуществлять принуждение к тем или иным действиям, побуждать к ним, стимулировать или наоборот, запрещать, приводит к тому, что индивиды, организации и даже целые отрасли стремятся получить контроль над этим важнейшим ресурсом общества. Однако при рассмотрении вопросов, связанных с инновациями эта часть позитивной теории как бы ускользает из области анализа. Учитывая изложенные характеристики объектов рынка идей, сфера конкуренции за инновации является более сложной для принятия регулирующих государственных решений, чем привычные вопросы аллокации ограниченных ресурсов между отраслями производства.

Асимметрия распределения и неделимость информации уже сами по себе препятствуют

рациональности принятия государственных решений относительно эффективности внедрения тех или иных инновационных программ и проектов. А если принять во внимание внешние эффекты оппортунистического поведения групп с особыми интересами, то в совокупности с общими тенденциями к рентоориентированному поведению и ограниченностью контроля над бюрократией весьма вероятным будет формирование псевдоконкурентной системы на рынке идей и создание условий для неблагоприятного отбора институтов и организаций.

Не углубляясь в общеизвестные формулировки Джоржа Стиглера, Анне Крюгер, Джеймса Бьюкенена и многих других теоретиков рентоориентированного поведения хотелось бы перейти к особенностям реализации инструментов извлечения ренты на рынках постсоветского пространства. Институциональная специфика управленческого аппарата большинства стран бывшего соцлагеря состоит в эволюционировавшей структуре административно-командной системы со свойственными ей институтами приписок, активного бюрократического лобби, манипулирования голосами избирателей и т. п., иными словами – всего того, что формировало и позволяло функционировать теневой экономике СССР. Возможно, я выскажу крамольную мысль, но, судя по способу обоснования перманентных идей трансформационного реформирования постсоветского пространства, представление реформаторов о рынке, его природе и способах функционирования исходит не из научных теорий, концепций и моделей, а из опыта теневой экономической деятельности времен централизованного управления.

«Ничто в этом мире не может возникнуть из ничего и не может исчезнуть в никуда» - этот фундаментальный закон природы, в несколько измененной интерпретации концепции Path dependence как нельзя лучше характеризует развитие социальных систем. Не являет собой исключение и сегодняшняя система экономических отношений на постсоветском пространстве, которая является результатом эволюции теневой экономики времен централизованного управления как системы нерегламентированных, неучтенных, а порой и противоправных отношений между субъектами хозяйствования. Цели, инструменты и принципы таких отношений отличаются от общепринятого представления о свободном предпринимательстве. В данном аспекте хотелось бы поддержать мнение проф. Нуреева о том, что генезис теневой экономики в условиях авторитаризма происходил

под прямым контролем представителей бюрократического аппарата, а функции были подчинены его интересам. Этим была продиктована специфика функционирования теневых структур, которая проявлялась в задачах получения спекулятивной прибыли путем формирования монопольных прав в условиях неспособности плановых органов решить проблему дефицита. [15]

Опираясь на гипотезу зависимости от пройденного пути, можно предположить, что институты теневой экономики проходили свою траекторию эволюционного развития, где выживание теневых структур напрямую зависело от их нововведений. В частности, извлечение теневых доходов директорами предприятий и курирующих их бюрократических структур зависело от новаций в сокрытии «цеховой» деятельности, приписок и фальсификаций в системе отчетности и формировании теневых рыночных структур, устойчивых к изменениям в системе контроля.

Институциональная специфика теневого сектора отдельных республик бывшего соцлагеря, которая чаще всего находится в центре внимания институционалистов, всего лишь отражает особенности этоса и менталитета тех или иных народностей (например, клановую структуру общественного устройства народов Средней Азии, коррупцию в системе экономических отношений народов Кавказа и т.п.). По своей сути, такая специфика формирует вариации в формах новаций, которые имеют полезные свойства для выживания теневых структур в данной институциональной среде. Эволюционируя, институты функционирования теневого сектора централизованно-управляемой экономики проходили жесткий отбор в процессе борьбы с контролирующими органами, вырабатывая все более совершенные инструменты своей деятельности, отвоёвывая все большую часть у легального сектора.

Развал советской политической системы вовсе не означал автоматическое фундаментальное преобразование всех экономических отношений. За исключением кардинальной трансформации форм собственности, управленческие процессы постсоциалистической трансформации происходило при сохранении основ все той же системы отношений, формально видоизмененной, но по сути оставшейся прежней. Высокие транзакционные издержки и отсутствие адекватных социальных норм порождали теневые схемы прав собственности, которые конкурировали с официальными. Это приводи-

ло к росту могущества теневых организаций, что в условиях трансформации политической системы позволило им включиться в борьбу за легитимизацию и монополизацию их экономической деятельности.⁵ Характерным является распространение теневых норм на инфраструктуру рынка, целью которой согласно нормативной теории является повышение эффективности за счет сокращения транзакционных издержек. Современная банковская система, страхование, вся инфраструктура рынка капиталов имеют в своей основе теневые институты централизованно-управляемой экономики, задачи которых сводятся к получению спекулятивной прибыли путем формирования монопольных прав в условиях искусственного создания проблемы дефицита.

Нельзя сказать, что институты инновационного развития в теоретическом значении этой категории не развивались в условиях централизованного управления. Негласная задача для большинства НИИ и КБ состояла в поддержании технологического отставания от развитых капиталистических стран на уровне не более 5 лет, чему в большей мере способствовал промышленный шпионаж, чем стимулирование развития науки и техники. Целевая направленность советских исследований и конструкторских разработок – развитие военно-промышленного комплекса, результаты таких нововведений после морального устаревания внедрялись в другие сектора экономики. Весь рынок идей строго контролировался, новые разработки проходили через сито управляемого отбора, которое нельзя назвать более эффективным, чем рыночные методы, но, тем не менее, действенным в плане отсева псевдонаучной деятельности.

В этой связи важно отметить, что в условиях революционных политических изменений, произошедших в период распада СССР, неправильное понимание сути либерализации приве-

⁵ В 1989 году в своей фундаментальной работе «Экономическое поведение и институты» Трауинн Эггертссон справедливо отметил, что находясь в тени высоких транзакционных издержек антигосударственные структуры формируют такую систему прав собственности, которая сможет способствовать их выходу из тени. А обретя достаточную мощь и «выйдя на свет Божий, могут вызвать гражданскую войну, если государство не капитулирует без боя». Одержав верх над самим государством «вчерашние преступники становятся политическими лидерами, а их организация – легитимным государством». [16, с.50]

ло к снятию тех барьеров, которые являлись своего рода ситом централизованного отбора наиболее эффективных норм. Вместо того, чтобы уменьшить ячейки сита, было устранено само сито. Неудивительно, что при таких условиях инновационные программы экономической политики превратились в ширму для эксплуатации сравнительных преимуществ государственного вмешательства в экономическую деятельность. После этапа перераспределения национального богатства, наступил этап перераспределения национального дохода, где «инновации» начинают занимать весомые позиции. Засилье на подконтрольных или стимулируемых государством рынках всевозможных абсурдных инновационных планов вечных двигателей, нано-технологий по производству наноносков, наносалфеток, наночая является ярким подтверждением того, что государственные программы инновационного развития не работают. Основное их предназначение – это получение преимуществ в налогообложении, дотациях, субсидиях, субвенциях и прочих привилегий для тех, кто в состоянии обеспечить максимальные трансферты ресурсов в пользу субъектов принятия политических решений. Даже на первый взгляд такие рациональные программы, как энергосбережение и переход на альтернативные источники энергии, и те в своем большинстве не имеют достаточного технико-экономического обоснования.

В частности, эмпирическое подтверждение выдвинутым гипотезам можно увидеть в программах так называемой «зеленой энергетики», которая, безусловно, является альтернативой традиционным источникам в условиях стойких тенденций к подорожанию угля, природного газа и нефти. Однако внедрение подобных программ в Украине должно учитывать всю специфику энергетической отрасли, сложившейся на данный момент.

Структура электроэнергетического баланса – около 48% атомной и около 45% тепловой электроэнергии.⁶ Если учесть, что атомная энергетика является наиболее эффективной из всех используемых человечеством технологических способов производства электроэнергии, то весьма странно выглядят намерения по ее сокращению. Можно согласиться, что у атомной энергетике на урановых источниках есть ряд проблем (около 1/4 производимой энергии идет на собственное потребление, которое не-

обходимо обеспечивать даже при остановке реактора, риск возникновения неуправляемых реакций, высокая стоимость хранения и утилизации отходов), но все они технологически решаемы. Проблема перехода атомной электроэнергетики с уранового сырья на другие типы лежит не в плоскости экономической эффективности или физических ограничений, она имеет геополитическую составляющую конкурентной борьбы двух крупнейших производителей урановых твэлов – России и США.

Другой геополитической проблемой является зависимость тепловых электростанций от российских источников сырья. Но в данном случае речь идет о неспособности олигархических структур договориться о цене перепродаваемого газа в чистом виде и как составляющей себестоимости продукции.

Это требует от государства стимулирования энергосберегающих технологий производства с одной стороны и оптимизации существующей системы энергобаланса. Объем производства электроэнергии электростанциями, входящими в Объединённую энергетическую систему (ОЭС) Украины, в феврале 2011 г. составил 17 млрд. 378,0 млн кВт-ч. и главная проблема связана с неравномерностью ее потребления во времени. Расширение временного пояса через объединение энергетической системы Украины с соседними странами могло бы стать весомым фактором повышения энергоэффективности. Однако отсутствие компромисса с Россией о тарифах при объединении в единую энергетическую систему, с одной стороны, и несовместимость стандартов с европейской энергетической системой – с другой, в условиях институциональной специфики рентоориентированного поведения создали предпосылки для перекладывания затрат на население посредством государственных псевдоинновационных программ. Так в инновационных планах развития появились проекты «зеленой энергетики», целью которых при более детальном изучении является извлечение ренты.

Для понимания неэффективности подобных проектов не нужно быть физиком-теоретиком, достаточно открыть школьный курс, чтобы понимать, что цифры солнечной энергетики красиво выглядят только на бумаге (1,5 кВт на м² из которых 1 кВт на м² доходит до Земли). Из школьного курса физики известно, что чем короче длинна волны, тем большая мощность получаемой энергии. Отсюда и проблемы с препятствиями получения ультрафиолетового излучения на светоземле (физиче-

⁶ Тут и далее статистическая информация взята из on-line источников Госкомстата Украины [18]

ские – КПД элементов до 15%, атмосферные – облака, туман и т.п., механические – пыль, царапины поверхности...), а соответственно – климатические ограничения, высокая стоимость абразивостойких материалов, способных пропустить ультрафиолетовые волны и дополнительные расходы на их обслуживание. Производство на ветряных электростанциях также имеет свои ограничения, которые связаны с технологической спецификой (генераторы рассчитаны для потоков ветра от 6 до 18 м/сек., зоны для размещения должны иметь среднюю скорость ветра около 12м/сек.). Все эти затраты и рентабельность отражены в тарифах, утвержденных НКРЭ на электроэнергию, производимую ветроэлектростанциями – 131,38 коп. за кВт/ч., из биомассы – 143,89 коп. за кВт/ч., на малых гидроэлектростанциях (мощностью до 10 МВт) – 90,08 коп. за кВт/ч., на солнечную энергию – от 540,51 до 495,47 коп. за кВт/ч. Достаточно сравнить с тарифами атомной энергетики 18,32 коп./кВт.ч, чтобы понять уровень политической ренты, извлекаемой с помощью государственной поддержки инновационной деятельности.

Такое положение вещей позволяет говорить о невозможности инновационного развития в условиях доминирования рентоориентированного поведения среди хозяйствующих субъектов. Более того, выгоды, получаемые от государственного стимулирования подобной инновационной деятельности, никогда не покроют связанных с ними общественных издержек. Нарушение соответствия между целями и инструментами экономической политики приводит не только к прямым убыткам в виде недополученных в бюджет средств или дискриминации хозяйствующих субъектов, но и формирует негативные экстерналии во всех сферах экономического взаимодействия.

Литература

1. Говоруха Ж.А. Питання розвитку інноваційної діяльності підприємств України / Ж.А. Говоруха // Актуальні проблеми економіки. – 2010. – № 8 – С. 107-115.
2. Жукович І.А. Інноваційна діяльність в українській економіці. Сучасний стан та проблеми / І.А.Жукович, Ю.О.Рижкова, Г.М.Доброва // Статистика України. – 2008. – № 1. – С. 24-28.
3. Павленко І.А. Інноваційне підприємство у трансформаційній економіці України / І.А. Павленко; Київ. нац. економ. ун-т ім. Вадима Гетьмана. – К.: КНЕУ, 2008. – 248 с.
4. Резнік Н.П. Способи активізації інно-

ваційних процесів на промислових підприємствах / Н.П. Резнік // Формування ринкових відносин в Україні. – 2009. – №10. – С.80-82

5. Геєць В.М. Інноваційний шлях розвитку та економічне зростання // Інноваційна Україна: Науковий збірник. – 2005. – Вип. 7. – К: НТУ „КПІ”. – С. 38-42.

6. Бажал Ю. М. Економічна теорія технологічних змін / Ю.М. Бажал // К.: Заповіт, 2000. – С. 240.

7. Денисенко М.П., Риженко Я.В. Стратегічна місія інноваційної діяльності та шляхи її активізації в Україні / М.П.Денисенко, Я.В.Риженко //Проблеми науки. –2007. –№ 6. –С.10-16.

8. Кирич Н. Б. Інноваційна діяльність підприємств та організацій як метод стабілізації економіки регіонів України / Андрушків Б. М., Кирич Н.Б., Погайдак О.Б. //Вісник економічної науки України. – 2009. – №1 (15). – С. 23-25.

9. Луциків І.В. Інноваційна діяльність в Україні: реалії сьогодення та перспективи розвитку / І.В. Луциків // Інноваційна економіка. – 2010. – № 4. – С. 23.

10. Харів П.С., Собко О.М. Активізація інноваційної діяльності промислових підприємств регіону: [монографія]/ П.С.Харів, О.М. Собко // Тернопіль: Економічна думка, 2003. – С.184.

11. Стратегія інноваційного розвитку України на 2010–2020 роки в умовах глобалізаційних викликів. –К: Парламентське видво, 2009.

12. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): пер.с англ. – М.: Прогресс, 1982.

13. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000.

14. Друкер П. Бизнес и инновации. – М.: «Вильямс», 2007.

15. Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес. Монография/ Под ред. Р.М. Нуреева. Ростов-н/Д: Наука-Пресс, 2006.

16. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. – М.: Дело, 2001.

17. Виробництво основних видів промислової продукції за 2003-2009 роки// © Держстат України: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2006/pr/prm_ric/prm_ric_u/vov2005_u.html

18. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории – СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005.

Статья поступила в редакцию 11.07.2011